

Г.Х. АНДЕРСЕН
СКАЗКИ

ДЕПТИЗ 1954

*"The man
who fights
for his
ideals
is the man
who
is alive."*

CERVANTES
author of
DON QUIXOTE

Leonid S. Polevoy

Hans Ch. Andersen,
Fairy Tales.

Г.-Х. АНДЕРСЕН

СКАЗКИ

РИСУНКИ
В. АЛФЕЕВСКОГО

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения СССР
Москва 1954 Ленинград

**ДАР
ПОЛЕВОГО Л. С.**

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. БРКУТСЕ

81112

МБУК
«ГЦ»

ФОНД РЕДКИХ КНИГ

Перевод с датского А. Ганзен

СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Было когда-то на свете двадцать пять оловянных солдатиков. Все они были сыновьями одной матери — старой оловянной ложки — и, значит, приходились друг другу родными братьями. Они были очень красивы: ружьё на плече, грудь колесом, мундир красный с синим. Чудо что за солдатики!

Они лежали, все двадцать пять, в картонной коробке. В ней было темно и тесно. Но вот однажды коробка открылась.

— Ах, оловянные солдатики! — закричал маленький мальчик и от радости захлопал в ладоши.

Ему подарили оловянных солдатиков в день его рождения.

Мальчик сейчас же принялся расставлять оловянных солдатиков на столе. Двадцать четыре солдатика были совершенно одинаковые, а двадцать пятый солдатик был одноногий. Его отливали последним, и олова немножко не хватило. Впрочем, он и на одной ноге стоял так же твёрдо, как другие на двух. Вот с этим-то солдатиком и произошла замечательная история, которую я вам сейчас расскажу.

На столе, где мальчик расставил своих солдатиков, было много разных игрушек. Но лучше всех игрушек был чудесный картонный дворец. Сквозь его маленькие окна были видны все комнаты. Перед самым дворцом лежало зеркальце. Оно было совсем как настоящее озеро, и вокруг этого зеркального озера на деревянных подставках стояли маленькие зелёные деревья. По озеру плавали восковые лебеди и, выгнув длинные шеи, любовались своим отражением.

Всё это было прекрасно, но всего милее была девушка, стоявшая на пороге в широко раскрытых дверях дворца. Она была тоже вырезана из картона; на ней была юбочка из тонкого батиста, на плече голубой шарф и на груди — блестящая брошка, такая большая, как голова самой девушки.

Красавица стояла на одной ножке, вытянув руки, — она была танцовщицей. Другую ногу она подняла так высоко, что наш оловянный солдатик совсем не заметил этой ноги и подумал, что красавица тоже одноногая, как и он сам.

„Вот бы мне такую жену! — подумал оловянный солдатик. — Да только она, наверно, знатного рода. Вон в каком прекрасном дворце живёт. А мой дом — простая коробка, да ещё набилось нас в эту коробку целых

двадцать пять солдат. Нет, ей там не место! Но познакомиться с ней всё же не мешает“.

И солдатик притаился за табакеркой, которая стояла тут же на столе. Отсюда он отлично видел прелестную танцовщицу.

Поздно вечером всех оловянных солдатиков, кроме одноногого — его так и не могли найти, — уложили в коробку, и все люди в доме легли спать. И вот, когда наступила тишина, игрушки сами стали играть в гости, в войну, а потом устроили бал. Оловянные солдатiki стучали в стенки коробки — они тоже хотели выйти поиграть, да никак не могли приподнять крышку. Даже щелкунчик принялся кувыраться, а грифель пошёл плясать по грифельной доске. Поднялся такой шум и гам, что в клетке проснулась канарейка и тоже заговорила, да притом ещё стихами.

Только солдатик и танцовщица не двигались с места. Она попрежнему стояла на одной ножке, вытянув руки

вперёд, а он застыл с ружьём в руках, как часовой, и не сводил глаз с красавицы.

Пробило двенадцать. И вдруг — щёлк! — раскрылась табакерка.

В этой табакерке табак никогда не держали, а сидел в ней маленький чертёнок. Он выскочил из табакерки и оглянулся кругом.

— Эй, оловянный солдатик! — крикнул чертёнок. — Чего ты уставился на плясунью? Она слишком хороша для тебя.

Но оловянный солдатик притворился, будто ничего не слышит.

— Вот ты как! — сказал чертёнок. — Ну, погоди же до утра!

Утром, когда дети проснулись, они нашли одноногого солдатика за табакеркой и поставили на окно.

Вдруг окно распахнулось — чертёнок ли это напроказил или просто потянуло сквозняком, кто знает? Но только одноногий наш солдатик полетел с третьего этажа вниз головой — да так, что в ушах засвистело. Минута — и он уже стоял на улице вверх ногами, а его ружьё и голова в каске застряли между булыжниками.

Мальчик и служанка сейчас же выбежали на улицу искать солдатика, но как ни старались, найти его не могли.

Один раз они даже чуть не наступили на солдатика и всё-таки не заметили его. Если бы солдатик крикнул: „Я тут!“, они, конечно, сейчас же нашли бы его. Но он считал неприличным кричать на улице — ведь он был солдат и носил мундир.

Тут пошёл дождь, настоящий ливень. По улице потекли ручьи.

А когда наконец дождь кончился, к тому месту, где между булыжниками торчал оловянный солдатик, прибежали двое мальчишек.

— Эге! — сказал один из них. — Смотри — оловянный солдатик! Давай-ка отправим его в плавание!

И они сделали из старой газеты лодочку, посадили в неё оловянного солдатика и пустили в канавку. Лодочка поплыла, а мальчики побежали рядом и захлопали в ладоши.

Лодочку подхватило быстрым течением и понесло. Вода в канаве так и бурлила. Ещё бы ей не бурлить — после такого ливня!

Оловянный солдатик в лодочке весь дрожал, но держался стойко, как полагается настоящему солдату: ружьё на плече, голова прямо, грудь вперёд!

И вот лодочку занесло под широкий-широкий мост; стало так темно, точно солдатик опять попал в свою коробку.

„Куда меня несёт? — думал он. — Это всё проделки гадкого чертёнка из табакерки. Ах, если бы со мною

в лодке сидела красавица-плясунья, я ничего бы не боялся, даже если б стало ещё темнее!”

В эту минуту из-под моста выскочила большая водяная крыса.

— Это кто такой? — закричала она. — А паспорт у тебя есть? Давай сейчас же паспорт!

Но оловянный солдатик молчал и крепко сжимал ружьё. Лодку его несло всё дальше и дальше, а крыса плыла за ним вдогонку. Она свирепо щёлкала зубами и кричала плывущим навстречу щепкам и соломинкам:

— Держите, держите его! У него нет паспорта!

Тут лодочку понесло ещё быстрее, и оловянный солдатик наконец увидел впереди свет. Мост кончился. Но в эту минуту послышался такой страшный грохот, от которого задрожал бы любой храбрец. Подумать только! За мостом канавка впадала прямо в большой бурный канал. По таким волнам солдатику в маленьком

бумажном кораблике плыть было так же опасно, как нам в настоящей лодке нестись к большому водопаду.

Остановиться было уже невозможно. Лодку с оловянным солдатиком вынесло в большой канал. Но солдатик попрежнему держался молодцом и даже глазом не сморгнул.

Лодочка завертелась на месте, два-три раза зачерпнула воды и скоро наполнилась водой до краёв. Вот солдатик уже по пояс в воде, вот уже по горло. И наконец вода накрыла его с головой.

С грустью подумал солдатик о своей красавице. Не видать ему больше милой плясуньи! В последнюю минуту вспомнил он солдатскую песню:

Шагай вперёд, всегда вперёд!
Тебя за гробом слава ждёт!

И он приготовился с честью погибнуть в страшной пучине.

Но его подстерегала другая беда.

Из воды вынырнула большая рыба и мигом проглотила солдатика.

О, как темно и тесно было в желудке у рыбы! Темнее, чем под мостом, теснее, чем в коробке! Но оловянный солдатик и тут держался стойко. Он вытянулся во весь рост и ещё крепче сжал своё ружьё. Так он пролежал довольно долго.

Вдруг рыба заметалась во все стороны, стала нырять, извиваться, прыгать и наконец замерла.

Опять прошло немало времени. Солдатик соскучился и задремал.

Проснулся он оттого, что над ним, как молния, сверкнул острый нож.

Стало совсем светло, и кто-то закричал:

— Вот так штука! Оловянный солдатик!

А дело было так: рыбу поймали, свезли на рынок, а потом она попала на кухню. Кухарка распорола ей брюхо большим ножом и вдруг увидела оловянного солдатика. Она взяла солдатика двумя пальцами поперёк живота и понесла в комнату.

Весь дом сбегался посмотреть на замечательного путешественника. Солдатику поставили на стол, и вдруг — каких только чудес не бывает на свете! — он увидел ту же комнату, того же мальчика, то же самое окно, из которого недавно вылетел. Вокруг были те же игрушки, а среди них гордо возвышался чудесный картонный дворец, и на пороге стояла красавица-танцовщица. Она стояла попрежнему на одной ножке, высоко подняв другую. Вот это стойкость!

Оловянный солдатик так растрогался, что из глаз у него чуть не покатились оловянные слёзы, но он во-время вспомнил, что солдату плакать не полагается. Не мигая смотрел он на танцовщицу, она смотрела на него, и оба молчали.

Вдруг один из мальчиков схватил оловянного солдата и ни с того ни с сего швырнул его прямо в печку. Наверно, его подучил злой чертёнок из табакерки.

В печке ярко пылали дрова, и оловянному солдатику стало ужасно жарко, от огня или от любви — он и сам не знал. Краски с него совсем сошли, он весь полинял — может быть, от огорчения, а может быть, оттого, что побывал в воде и в желудке рыбы. Но и тут он держался прямо, сжимал своё ружьё и не сводил глаз с прекрасной плясуньи, а плясунья смотрела на него. И вдруг солдатик почувствовал, что он тает в огне.

В эту минуту дверь в комнате распахнулась настежь, сквозной ветер подхватил прекрасную танцовщицу, и она, как бабочка, порхнула в печку прямо к солдатику. Пламя охватило её, она вспыхнула и — конец. Тут уж и оловянный солдатик совсем расплавился.

На другой день служанка стала выгребать из печки золу и нашла маленький комочек олова, похожий на сердечко, да обгорелую, чёрную, как уголь, брошку. Это было всё, что осталось от стойкого оловянного солдата и его прекрасной плясуньи.

ДЮЙМОВОЧКА

Жила одна женщина, и не было у неё детей. А ей очень хотелось маленького ребёночка. Вот пошла она к старой колдунье и сказала:

— Мне очень хочется, чтобы у меня была дочка. Не скажешь ли ты, где мне её взять?

— Почему не сказать! — ответила колдунья. — Вот тебе ячменное зерно. Это зерно не простое, не такое, какие растут на крестьянских полях и которыми кормят кур. Посади ты это зёрнышко в цветочный горшок, а потом увидишь, что будет.

— Спасибо тебе! — сказала женщина и дала колдунье двенадцать грошей.

Потом она пошла домой и посадила ячменное зёрнышко в цветочный горшок. Только она его посадила, зёрнышко сразу дало росток, а из ростка вырос большой чудесный цветок, совсем как тюльпан. Но лепестки цветка были плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

— Какой прелестный цветок! — сказала женщина и поцеловала красивые пёстрые лепестки.

И как только она поцеловала лепестки, там внутри, в бутоне, что-то щёлкнуло, и цветок распустился. Это был точь-в-точь тюльпан, но в самой чашечке на зелёном пестике цветка сидела девочка. Она была маленькая-маленькая, всего в дюйм ростом. Её так и прозвали Дюймовочкой.

Скорлупка грецкого ореха была её колыбелькой, голубые фиалки — периной, а лепесток розы — одеялом. В скорлупке она спала ночью, а днём играла на столе.

Женщина поставила на стол тарелку с водой, а на края тарелки положила цветы, и длинные стебельки цветов купались в воде. Для маленькой Дюймовочки тарелка с водой была целым озером, и Дюймовочка плавала по этому озеру на лепестке тюльпана, как на лодочке. Вместо вёсел у неё были два белых конских волоса. Дюймовочка целые дни каталась на своей чудесной лодочке, переплывала с одной стороны тарелки на другую и распевала песни. Такого нежного голоска, как у неё, никто никогда не слышал.

Однажды ночью, когда Дюймовочка спала в своей колыбельке, через открытое окно в комнату влезла большущая жаба, мокрая и безобразная.

Она вспрыгнула прямо на стол и заглянула в скорлупку, где спала под лепестком розы Дюймовочка.

— Вот славная жена будет моему сынку! — сказала жаба.

Она схватила ореховую скорлупку с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

В саду протекала речка, а у самого её берега было топкое болото. Здесь-то, в болотной тине, и жила старая жаба со своим сыном. Сын был тоже мокрый и безобразный — точь-в-точь как и его мать, старая жаба.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог он сказать, когда увидел маленькую девочку в ореховой скорлупке.

— Тише ты! Разбудишь её, и она убежит от нас, — сказала старая жаба. — Она ведь легче лебединого пуха. Посадим-ка её на самую середину реки, на широкий лист кувшинки, — это целый остров для такой крошки. Оттуда уж ей ни за что не убежать. А я тем временем устрою для вас в тине уютное гнёздышко.

В реке росло много кувшинок; их широкие зелёные листья плавали по воде. Самый большой лист был

дальше всех от берега. Жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупку, в которой спокойно спала девочка.

Рано утром проснулась Дюймовочка и вдруг увидела, что она на листе кувшинки; кругом, куда ни посмотришь, вода, а берег чуть виднеется вдали. Дюймовочка очень испугалась и заплакала.

А старая жаба сидела в тине и украшала свой дом камышом и жёлтыми кувшинками — она хотела угодить молодой невестке. Когда всё было готово, жаба поплыла со своим гадким сынком к листу, на котором сидела Дюймовочка, чтобы взять её кроватку и поставить в спальне. Старая жаба низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок! Он будет твоим мужем. Вы славно заживёте с ним у нас в тине.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог сказать сынок.

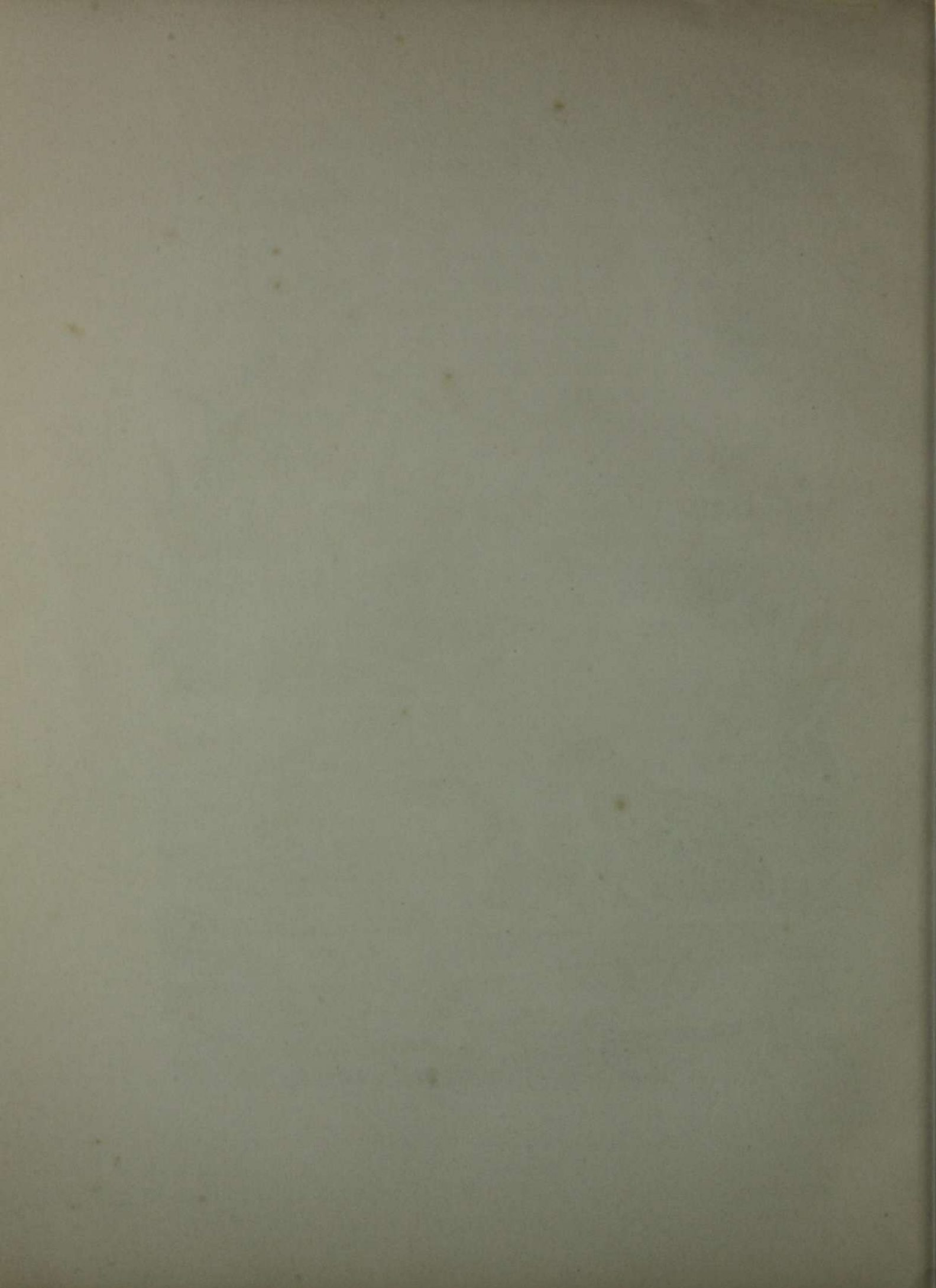
Жабы взяли скорлупку и уплыли с ней, а Дюймовочка осталась одна на зелёном листе и горько-горько плакала: ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выходить замуж за её противного сына.

Маленькие рыбки, которые плавали под водой, видели жабу и её сына и слышали, что она говорила Дюймовочке.

Они высунули из воды свои головы, чтобы поглядеть на крошку-невесту. Как только рыбки увидели Дюймовочку, им стало ужасно жалко, что такой прелестной девочке придётся жить с жабами. Не бывать же этому! Рыбки со всей речки подплыли к листу кувшинки, на котором сидела Дюймовочка, и перегрызли стебелёк листа.

И вот лист кувшинки поплыл по течению. Течение было сильное, и лист с девочкой плыл очень

быстро. Теперь жаба никак не могла бы догнать Дюймовочку.

А Дюймовочка плыла всё дальше, и маленькие птички, которые сидели в кустах, смотрели на неё и пели:
— Какая хорошенькая маленькая девочка!

Красивый белый мотылёк всё время порхал вокруг Дюймовочки и наконец опустился на лист: уж очень ему понравилась маленькая девочка. Тогда Дюймовочка

сняла с себя пояс, один конец набросила на мотылька, а другой привязала к своему листку, и листок поплыл ещё быстрее.

Вдруг мимо пролетел майский жук. Он увидел Дюймовочку, схватил её и унёс на дерево, а зелёный лист кувшинки поплыл дальше, и с ним мотылёк — он ведь был привязан и не мог освободиться.

Бедная Дюймовочка очень испугалась, когда жук схватил её и полетел с ней на дерево. Но майскому жуку и горя было мало. Он уселся высоко на дереве, покормил Дюймовочку сладким цветочным соком и сказал ей, что она ему очень нравится, хотя она и совсем не похожа на майского жука.

Потом к ним пришли в гости другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они разглядывали Дюймовочку с головы до ног, а жучки-барышни пожимали щупальцами.

— У неё только две ножки! — говорили одни.

— У неё даже нет щупальцев! — сказали другие.

— Какая она тонкая! Она совсем как человек! — сказали третьи.

— Она очень некрасивая! — решили наконец все жуки.

Тут майскому жуку, который принёс Дюймовочку, показалось тоже, что она очень некрасивая, и он не захотел больше держать её у себя — пусть идёт куда знает. Он слетел с нею вниз и посадил её на ромашку.

Дюймовочка сидела на цветке и плакала: ей было обидно, что она такая некрасивая. Даже майские жуки прогнали её.

Всё лето прожила Дюймовочка одна-одинёшенька в лесу. Она сплела себе из травы колыбельку и повесила эту колыбельку под большой лист лопуха, чтобы её не замочил дождик. Она ела сладкий цветочный мёд и пила росу, которую каждое утро находила на листьях.

Так прошло лето, прошла и осень. Приближалась длинная, холодная зима. Все птички улетели, цветы завяли, а большой лопух, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, засох и свернулся в трубочку.

Дюймовочка дрожала от холода: платье её всё разорвалось, а она была такая маленькая, нежная — как ей не мёрзнуть! Пошёл снег, и каждая снежинка была для Дюймовочки то же, что для нас целая лопата снегу. Мы ведь большие, а она была всего-то с дюйм ростом. Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и Дюймовочка сама дрожала, как осенний лист.

Тогда Дюймовочка решила уйти из лесу и поискать себе приют на зиму.

За лесом, в котором жила Дюймовочка, было большое поле. Хлеб с поля уже давно убрали, и только короткие сухие стебельки торчали из мёрзлой земли.

В поле было ещё холоднее, чем в лесу, и бедняжка совсем замёрзла. И вот Дюймовочка пришла к норке полевой мыши; вход в норку был прикрыт сухими стебельками и былинками. Полевая мышь жила в тепле и довольстве: кухня и кладовая у неё были битком набиты хлебными зёрнами. Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей кусочек ячменного зёрнышка — она два дня ничего не ела.

— Ах ты бедняжка! — сказала полевая мышь (она была, в сущности, добрая старуха). — Ну, иди сюда, погрейся да поешь со мной!

И Дюймовочка спустилась в норку, обогрелась и поела. Старухе девочка очень понравилась, и она сказала ей:

— Оставайся у меня на зиму. Я буду кормить тебя, а ты убирай хорошенько мой дом да рассказывай мне сказки — я очень люблю сказки.

И Дюймовочка стала делать всё, что приказывала ей старая мышь. Ей жилось отлично в тёплой мышиной норке.

— Скоро у нас будут гости, — сказала однажды полевая мышь. — Раз в неделю приходит навестить меня мой сосед. Он очень богат и живёт куда лучше меня. У него большой дом под землёй, и он носит чудесную чёрную бархатную шубу. Выходи, девочка, за него замуж! Уж с ним-то ты не пропадёшь. Одна только беда: он совсем слепой и не увидит тебя. Зато ты будешь рассказывать ему самые лучшие сказки, какие только знаешь.

Но Дюймовочке вовсе не хотелось выходить замуж за соседа — это ведь был крот.

Вскоре крот в самом деле пришёл в гости к полевой мыши. Он был такой важный, учёный и богатый; шуба на нём была бархатная и очень красивая.

Дом у него был в двадцать раз больше, чем домик полевой мыши. Там было много больших комнат и длинных коридоров, но солнце никогда не заглядывало туда. Крот терпеть не мог солнца и не выносил цветов — он ведь их никогда не видел.

Дюймовочку заставили петь для важного гостя, и она спела две песенки, да так хорошо, что крот сразу полюбил её. Но он не сказал ни слова — он был такой степенный и солидный господин.

А потом крот прорыл под землёй длинный подземный ход от своего дома к самой норке полевой мыши и пригласил старую мышь и Дюймовочку прогуляться по этому подземному ходу.

Крот взял в рот гнилушку — в темноте ведь гнилушка светит всё равно что свечка — и пошёл вперёд, освещая длинный и широкий коридор. На полпути крот остановился и сказал:

— Здесь лежит какая-то птица. Но вам её нечего бояться — она мёртвая.

И крот проткнул своим широким носом дырку в потолке — дневной свет проник в подземный ход, и Дюймовочка увидела мёртвую ласточку. Это была настоящая птица, с перьями и с клювом; она, должно быть, умерла недавно, в начале зимы, и упала в норку крота.

Крылышки мёртвой птички были крепко прижаты к телу, ножки и голова спрятаны в пёрышки. Бедная ласточка, наверно, умерла от холода. Дюймовочке стало очень жалко её, она так любила птичек — ведь они целое лето пели ей свои чудесные песенки. Но крот толкнул ласточку своими короткими лапами и сказал:

— Теперь уж не посвистишь! Да, не хотел бы я родиться вот такой пичужкой! Она только и умеет чирикать да щебетать, а придёт зима—что ей делать: помирай с голоду и холоду. Вот уж моим детям зимы не придётся бояться.

— Да, да!—сказала полевая мышь.—Какой прок от этого чириканья? Песнями сыт не будешь, чириканьем зимой не согреешься!

А Дюймовочка молчала. Но когда крот и мышь повернулись к птице спиной, Дюймовочка нагнулась к ласточке, раздвинула пёрышки и поцеловала её прямо в закрытые глаза.

„Может быть, это та самая ласточка, которая так чудесно распевала летом, — подумала девочка.—Сколько радости доставила ты мне, милая птичка!“

Потом крот заткнул дыру в потолке и проводил старуху-мышь и Дюймовочку домой.

Ночью Дюймовочке не спалось. Она встала с постельки, сплела из сухих былинки большой ковёр, пошла в подземный ход и прикрыла ковром мёртвую птичку. Потом Дюймовочка принесла из мышиной норки пушистый, мягкий мох и устроила из него постельку, чтобы мёртвой птичке было удобнее лежать.

— Прощай, милая ласточка!—сказала Дюймовочка.—Прощай! Спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда деревья были ещё зелёные, а солнышко так славно грело!

И она склонила головку на грудь птички и вдруг испугалась: она услышала, как в груди ласточки что-то стучит. Это забилося сердце птицы — она была не совсем мёртвая, а только окоченела от холода. А теперь она согрелась и ожила.

Дюймовочка дрожала от страха — ведь птица была просто великаном по сравнению с такой крошкой. Но

всё-таки Дюймовочка собралась с духом, поплотнее закутала ласточку ковриком, а потом сбегала, принесла листок мяты, которым сама укрывалась, и покрыла им голову птицы.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к птице. Ласточка уже совсем ожила, только была ещё очень слаба и еле-еле открыла глаза, чтобы посмотреть на девочку. Дюймовочка стояла перед нею с куском гнилушки в руках — другого фонаря у неё не было.

— Спасибо тебе, милая крошка! — сказала больная ласточка. — Я так хорошо согрелась! Скоро я совсем поправлюсь и опять полечу на солнышко.

— Ах, — сказала Дюймовочка, — теперь так холодно, идёт снег! Остайся лучше в своей тёплой постельке, а я буду ухаживать за тобой.

Дюймовочка принесла ласточке воды в цветочном лепестке и несколько ячменных зёрнышек. Ласточка попила и поела, а потом рассказала девочке, как она поранила себе крыло о терновый куст и не могла улететь вместе с другими ласточками в тёплые края. Пришла зима, стало очень холодно, и она упала на землю... Больше ласточка уже ничего не помнила, и как попала сюда, в подземелье, она не знала.

Всю зиму прожила ласточка в подземелье, а Дюймовочка ухаживала за ней.

Ни крот, ни полевая мышь ничего не знали об этом — они ведь совсем не любили птичек.

Когда настала весна и пригрело солнышко, Дюймовочка, чтобы ласточка могла улететь, открыла ту дыру, которую проделал в потолке крот.

Ласточка спросила, не хочет ли девочка отправиться вместе с нею — пусть сядет к ней на спину, и они полетят в зелёный лес. Но Дюймовочке было жалко старую

полевую мышь — она знала, что старухе без неё будет очень скучно.

— Нет, я не могу улететь с тобой, — сказала она ласточке.

— Прощай, прощай, милая девочка! — прощбетала ласточка и вылетела на волю.

Дюймовочка посмотрела ей вслед, и слёзы закапали у неё из глаз — уж очень полюбила она птичку.

— Тви-вить, тви-вить! — крикнула ласточка и скрылась в зелёном лесу.

А Дюймовочка осталась в мышиной норе. Теперь ей жилось очень плохо: ей совсем не позволяли выходить на солнышко, а поле вокруг норки полевой мыши заросло высокими, толстыми колосьями и казалось Дюймовочке дремучим лесом.

И вот однажды пришёл старый крот и посватался к Дюймовочке.

— Ну, теперь тебе нужно готовить приданое, — сказала старуха-мышь. — Ты выйдешь замуж за важного господина, и надо, чтобы у тебя всего было вдоволь.

И Дюймовочке пришлось по целым дням прясть пряжу.

Старуха-мышь наняла четырёх пауков, и они днём и ночью сидели в мышиной норе и ткали разные ткани.

А толстый слепой крот приходил каждый вечер в гости и болтал о том, что скоро лету будет конец, солнце перестанет палить землю и она снова станет мягкой и рыхлой. Вот тогда они сыграют свадьбу. Но Дюймовочка всё грустила и плакала: она совсем не хотела выходить замуж за толстого крота.

Каждое утро, на восходе солнца, и каждый вечер, на закате, Дюймовочка выходила на порог мышиной норки; иногда ветер раздвигал верхушки колосьев, и ей удавалось увидеть кусочек голубого неба.

„Как светло, как хорошо тут на воле!“ — думала Дюймовочка и всё вспоминала о ласточке; ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточки нигде не было видно: должно быть, она летала там, далеко-далеко в зелёном лесу.

И вот наступила осень. Приданое Дюймовочки было готово.

— Через четыре недели твоя свадьба! — сказала Дюймовочке полевая мышь.

Но Дюймовочка заплакала и сказала, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

— Глупости! — сказала старуха-мышь. — Не упрямясь, а не то я укушу тебя своим белым зубом. Чем тебе крот не муж? У самой королевы нет такой чёрной бархатной шубки, как у него. Да и в погребах у него не пусто. Бога благодари за такого мужа!

Наконец настал день свадьбы, и крот пришёл за своей невестой. Теперь Дюймовочке придётся переселиться в кротовую нору, жить глубоко под землёй, и никогда она не увидит солнца — крот ни за что не позволит ей выходить из норы.

А бедной Дюймовочке было так тяжело навсегда распрощаться с ясным солнышком! И Дюймовочка вышла взглянуть на солнышко в последний раз.

Хлеб был уже убран с поля, и из земли опять торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла от мышинной норки подальше и протянула к солнцу руки:

— Прощай, солнышко, прощай!

Потом она увидела маленький красный цветочек, обняла его и сказала:

— Поклонись, цветочек, от меня милой ласточке, если увидишь её!

— Тви-вить, тви-вить! — вдруг раздалось над её головой.

Дюймовочка подняла глаза и увидела ласточку, которая пролетала мимо. Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась, а Дюймовочка заплакала и рассказала ласточке, как ей не хочется выходить замуж за толстого крота и жить с ним глубоко под землёй, куда никогда не заглядывает солнышко.

— Уже наступает холодная зима, — сказала ласточка, — и я улетаю далеко-далеко, в тёплые края. Хочешь лететь со мной? Садись ко мне на спину, только привяжи себя покрепче поясом, и мы улетим с тобой от гадкого крота, улетим далеко, за синее море, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудесные цветы. Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в тёмной, холодной яме:

— Да, да, я полечу с тобой! — сказала Дюймовочка.

Она села ласточке на спину и крепко привязала себя поясом к самому большому пёрышку.

Ласточка взвилась стрелой и полетела над тёмными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было очень холодно, и Дюймовочка вся зарылась в тёплые перья ласточки и высунула только голову, чтобы любоваться прекрасными местами, над которыми они пролетали.

Но вот и тёплые края! Тут солнце сияло гораздо ярче, небо было вдвое выше, чем у нас, а около канав и изгородей вился чудесный зелёный виноград. В лесах росли лимоны и апельсины, пахло миртами и душистой мятой, а по дорожкам бегали весёлые ребяташки и ловили больших пёстрых бабочек. Но ласточка летела всё дальше.

На берегу прекрасного голубого озера, посреди зелёных кудрявых деревьев, стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху, под крышей, лепились птичьи гнёзда. В одном из них и жила ласточка.

— Вот мой дом! — сказала ласточка. — А ты выбери себе самый красивый цветок внизу, я посажу тебя туда, и ты заживёшь прекрасно.

Дюймовочка обрадовалась и от радости захлопала в ладоши.

Внизу лежали куски белого мрамора — это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три куска, — между мраморными обломками росли большие белые цветы. Ласточка спустилась и посадила девочку на широкий лепесток. Но что за чудо! В чашечке сидел маленький человечек, беленький и прозрачный, как будто он был из стекла. За плечами у него дрожали лёгкие крылышки, а на голове блестела маленькая золотая корона. Ростом он был не больше нашей Дюймовочки. Это был король эльфов.

Когда ласточка подлетела к цветку, эльф совсем перепугался: он был такой крошечный, а ласточка такая большая! Но он очень обрадовался, когда увидел Дюймовочку, — он никогда ещё не видал такой красивой девочки. Он низко поклонился ей и спросил, как её зовут.

— Дюймовочка, — ответила девочка.

— Милая Дюймовочка, — сказал эльф, — не хочешь ли ты быть моей женой?

И Дюймовочка сразу согласилась.

Тогда из каждого цветка вылетели эльфы и принесли Дюймовочке подарки. Самым лучшим подарком были прозрачные крылышки, совсем как у стрекозы. Их привязали Дюймовочке на спину, и она тоже могла теперь летать с цветка на цветок. То-то было радости и веселья!

А ласточка сидела наверху, в своём гнёздышке, и распевала песни, как умела.

Она пела эльфам весёлые песни всю тёплую зиму, а когда в холодных странах пришла весна, ласточка стала собираться на родину.

— Прощай, прощай! — прощевбетала ласточка и опять полетела из тёплых краёв в Данию.

Там у неё было маленькое гнёздышко, как раз над окном человека, который умел хорошо рассказывать сказки. Ласточка рассказала ему про Дюймовочку, а от него и мы узнали всю эту историю.

ГАДКИЙ УТЁНОК

Хорошо было за городом! Стояло лето. На полях уже золотилась рожь, овёс зеленел, сено было смётано в стога; по зелёному лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски — этому языку он выучился у своей матери. За полями и лугами тянулись большие леса, а в лесах были глубокие озёра. Да, хорошо было за городом!

Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окружённая глубокими канавами с водой; от стен дома до самой воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребяташки могли стоять под самыми крупными

из его листьев во весь рост. В чаще лопуха было так же глухо и дико, как в самом густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей это порядком надоело. К тому же её редко навещали — другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухах да крякать с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали.

— Пип! Пип! — запищало внутри.

Все яичные желтки ожили и высунули головки.

— Кряк! Кряк! — сказала утка.

Утята кое-как выкарабкались из скорлупы и стали озираться кругом, разглядывая зелёные листья лопуха; мать не мешала им — зелёный цвет полезен для глаз.

— Ах, как велик мир! — сказали утята.

Ещё бы! Теперь им было куда просторнее, чем тогда, когда они лежали в своей скорлупе.

— Уж не думаете ли вы, что тут и весь мир? — сказала мать. — Какое там! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, в поле, но там я отроду не бывала!.. Ну что, все ли вы теперь тут? — И она встала. — Ах нет, не все. Самое большое яйцо целёхонько! Да когда же этому будет конец! Я скоро совсем потеряю терпенье.

И она уселась опять.

— Ну, как дела? — спросила старая утка, которая пришла её навестить.

— Да вот с одним яйцом никак не могу справиться, — сказала молодая утка. — Всё не лопается. Зато посмотри-ка на малюток! Просто прелесть! Все как один — вылитый отец.

— А ну-ка, покажи мне яйцо, которое не лопается, — сказала старая утка. — Поверь мне, это индюшечье яйцо. Вот точно так же и меня однажды провели. И хлопот же мне было с этими индюшатами! Я никак не могла заманить их в воду. Уж я крякала, крякала —

не идут, да и конец! Дай-ка я ещё раз взгляну. Ну, так и есть! Индюшечье! Брось-ка его да ступай учи своих деток плавать.

— Нет, уж я лучше посижу ещё немного,—сказала молодая утка.—Я столько сидела, что можно и ещё посидеть.

— Ну и сиди!—сказала старая утка и ушла.

Наконец лопнуло и большое яйцо.

— Пип! Пип!—пропищал птенец и вывалился из яйца.

Но какой же он был большой и гадкий! Утка оглядела его.

— Ужасно велик!—сказала она.—И совсем не похож на других! Уж не индюшонок ли это в самом деле? Ну, да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зелёный лопух был залит солнцем.

Утка со всей своей семьёй отправилась к канаве. Бултых! — и она очутилась в воде.

— Кряк! Кряк! — позвала она, и утята один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головой, но они сейчас же вынырнули и отлично поплыли вперёд. Лапки у них так и работали. Даже гадкий серый утёнок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Вон как славно гребёт лапками! И как прямо держится! Нет, это мой собственный сын. Да он вовсе недурён, как посмотришь на него хорошенько. Ну, живо, живо за мной! Я сейчас введу вас в общество — мы отправимся на птичий двор. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро добрались и до птичьего двора. Батюшки! Что тут был за шум! Два утиных семейства дрались из-за одной головки угря. И в конце концов эта головка досталась кошке.

— Так-то всегда бывает на белом свете! — сказала утка и облизнула язычком клюв — она и сама была не прочь отведать угриной головки. — Ну, ну, шевелите лапками! — сказала она утятам. — Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у неё на лапке красный лоскуток. Как красиво! Это высшее отличие, какого только может удостоиться утка. Это значит, что её не хотят потерять, — по этому лоскутку её сразу узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утёнок должен выворачивать лапки наружу, как отец и мать.

Вот так! Смотрите. Теперь наклоните головки и скажите: „Кряк!“

Они так и сделали. Но другие утки оглядели их и громко заговорили:

— Ну вот, ещё целая орава! Точно без них нас мало было! А один-то какой безобразный! Его уж мы никак не потерпим!

И сейчас же одна утка подлетела и клюнула его в шею.

— Оставьте его! — сказала утка-мать. — Ведь он вам ничего не сделал.

— Положим, но он такой большой и странный! — прошипела злая утка. — Ему надо задать хорошенько.

— Славные у тебя детки! — сказала старая утка с красным лоскутком на лапке. — Все очень милы, кроме одного... Этот не удался! Хорошо бы его переделать!

— Это никак невозможно, ваша милость! — ответила утка-мать. — Он некрасив, но у него доброе сердце. А плавает он не хуже, смею даже сказать — лучше других. Я думаю, со временем он выровняется и станет поменьше. Он слишком долго пролежал в яйце и потому не совсем удался. — И она почесала ему спинку и разгладила пёрышки. — Кроме того, он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Я думаю, он вырастет сильным и пробьёт себе дорогу.

— Остальные утята очень, очень милы! — сказала старая утка. — Ну, будьте же как дома, а если найдёте угриную головку, можете принести её мне.

Вот утята и стали вести себя как дома. Только бедного утёнка, который вылупился позже других и был такой гадкий, задевали решительно все. Его клевали, толкали и дразнили не только утки, но даже и куры.

— Слишком велик! — говорили они.

А индейский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел прямо к утёнку, поглядел на него и сердито залопотал; гребешок у него так и налился кровью.

Бедный утёнок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же ему было уродиться таким гадким, что весь птичий двор смеётся над ним!

Так прошёл первый день, а потом стало ещё хуже. Все гнали бедного утёнка, даже братья и сёстры сердито говорили ему: „Хоть бы кошка утащила тебя, несносный урод!“ А мать прибавляла: „Глаза бы мои тебя не видали!“ Утки щипали его, куры клевали, а девушка, которая давала птицам корм, отталкивала его ногой.

Наконец утёнок не выдержал, перебежал двор — и через изгородь! Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов.

„Они испугались меня, такой я безобразный!“ — подумал утёнок и пустился с закрытыми глазами дальше. Он бежал до тех пор, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Здесь он пролежал всю ночь. Он устал, и ему было очень грустно.

Утром дикие утки поднялись из гнёзд и увидели нового товарища.

— Это что за птица? — спросили они.

Утёнок вертелся и кланялся во все стороны, как умел.

— Ну и гадкий же ты! — сказали дикие утки. — Впрочем, нам до этого нет дела, только не вздумай, пожалуйста, породниться с нами.

Бедняжка! Где уж ему было и думать об этом! Только бы позволили ему посидеть тут в камышах да попить болотной водицы.

Так просидел он в болоте два дня. На третий день туда прилетели два диких гусака. Они только недавно вылупились из яиц и поэтому очень важничали.

— Слушай, дружище! — сказали они. — Ты такой смешной урод, что, право, нравишься нам! Хочешь бродить с нами и быть вольной птицей? Здесь поблизости есть другое болото, там живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: „рап, рап!“ Ты такой урод, что, чего доброго, будешь иметь у них большой успех.

Пиф! паф! — раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мёртвыми; вода покраснела от крови. Пиф! паф! — раздалось опять, и из камышей поднялась целая стая диких гусей. Пошла пальба. Охотники окружили болото со всех сторон; некоторые из них засели даже в нависших над болотом ветвях деревьев. Голубой дым облаками окутывал деревья и стлался над водой. По болоту бегали охотничьи собаки — шлёп!

шлёп! Камыш и осока качались из стороны в сторону. Бедный утёнок был ни жив ни мёртв от страха. Он хотел было спрятать голову под крылышко, как вдруг прямо перед ним очутилась охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она посмотрела на утёнка, оскалила острые зубы и — шлёп! шлёп! — побежала дальше.

„Не тронула, — подумал утёнок и перевёл дух. — Видно, я такой безобразный, что даже собаке противно съесть меня!“

И он притаился в камышах. Над головой его то и дело свистела дробь, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утёнок долго ещё боялся пошевелинуться.

Прошло несколько часов. Наконец он осмелился встать, осторожно огляделся и пустился бежать дальше по полям и лугам. Дул такой сильный ветер, что утёнок еле-еле мог двигаться.

К ночи он добежал до бедной избушки. Избушка до того обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, потому и держалась.

Ветер так и подхватывал утёнка — приходилось упираться в землю хвостом.

К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висит так криво, что можно свободно проскользнуть через эту щель в избушку. Так он и сделал.

В избушке жила старуха со своим котом и курицей. Кота она звала Сыночком; он умел выгибать спину, мурлыкать и даже испускать искры, но для этого надо было погладить его против шерсти. У курицы были маленькие, коротенькие ножки, и потому её так и прозвали Коротконожкой; она прилежно несла яйца, и старушка любила её, как дочку.

Утром чужого утёнка заметили. Кот начал мурлыкать, а курица клохтать.

— Что там? — спросила старушка.

Она осмотрелась кругом и увидела в углу утёнка, но по слепоте своей приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

— Вот так находка! — сказала старушка. — Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. Ну, да увидим, испытаем!

И утёнка приняли на испытание. Но прошло недели три, а яиц всё не было.

Настоящим хозяином в доме был кот, а хозяйкой —

курица, и оба всегда говорили: „Мы и весь свет!“ Они считали самих себя половиной всего света, и притом лучшей половиной. Правда, утёнку казалось, что можно на этот счёт быть и другого мнения. Но курица этого не допускала.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утёнка.

— Нет.

— Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спину, испускать искры и мурлыкать?

— Нет.

— Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утёнок сидел в углу нахохлившись.

Вдруг ему вспомнился свежий воздух, вспомнилось солнышко, и ему страшно захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

— Да что с тобой? — спросила она. — Бездельничаешь, вот тебе в голову и лезет всякая чепуха! Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдёт!

— Ах, плавать так приятно! — сказал утёнок. — Такое удовольствие нырнуть вниз головой в самую глубь!

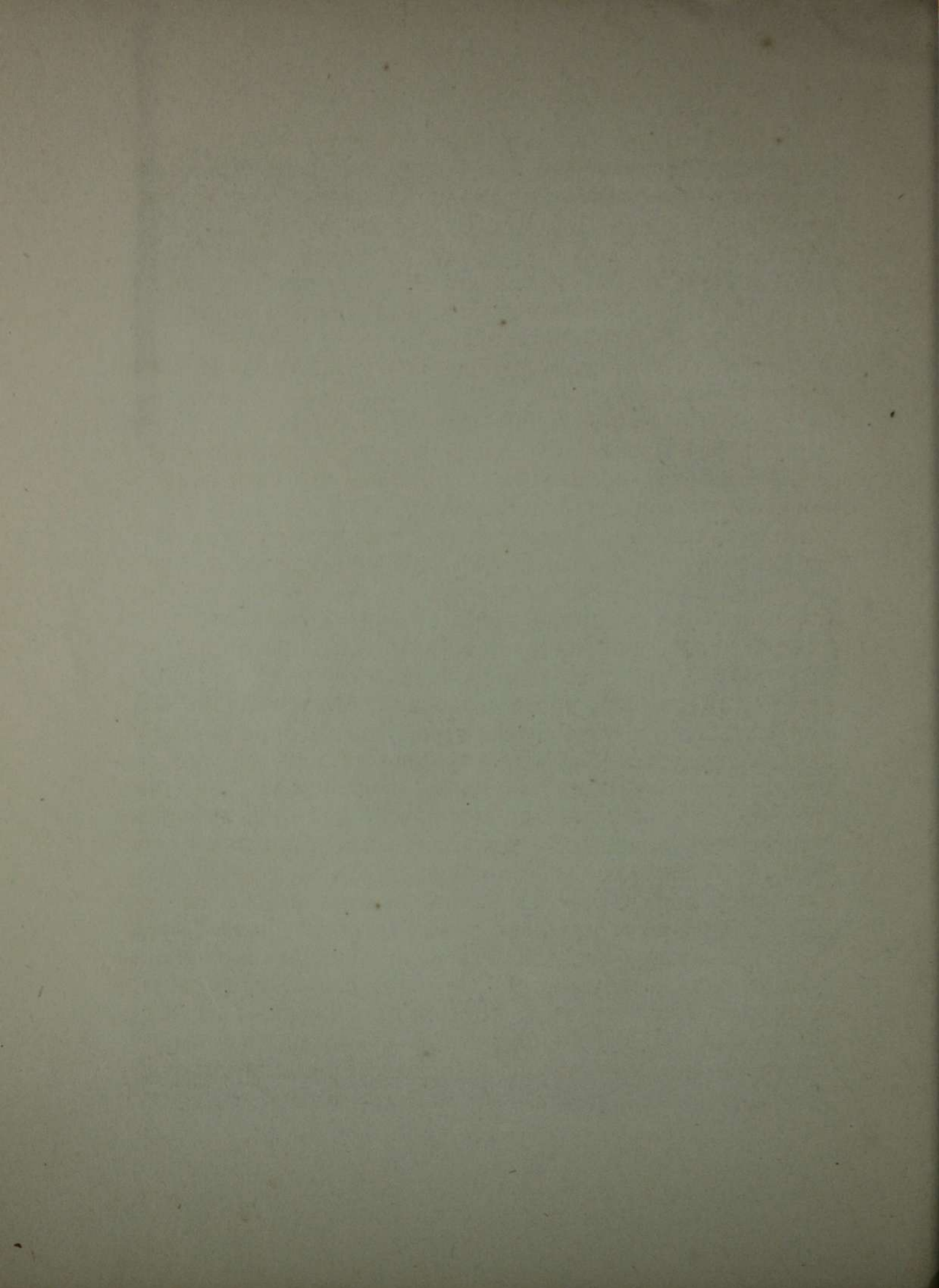
— Вот так удовольствие! — сказала курица. — Ты совсем с ума сошёл! Спроси у кота — он умнее всех, кого я знаю, — нравится ли ему плавать и нырять. О себе самой я уж и не говорю! Спроси, наконец, у нашей старушки-госпожи, умнее её уж наверно никого нет на свете! Она тебе скажет, любит ли она нырять вниз головой в самую глубь.

— Вы меня не понимаете! — сказал утёнок.

— Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймёт! Что ж, ты хочешь быть умнее кота и нашей гос-

пожи, не говоря уже обо мне? Не дури, а будь благодарен за всё, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, ты попал в такое общество, в котором можешь кое-чему научиться. Но ты пустая голова, и разговаривать с тобой не стоит. Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя. Так всегда узнаются истинные друзья. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да испускать искры!

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят! — сказал утёнок.

— Ну и ступай себе! — отвечала курица.

И утёнок ушёл. Он плавал и нырял вниз головой, но все вокруг попрежнему смеялись над ним и называли его гадким и безобразным.

Настала осень. Листья на деревьях пожелтели и побурели; ветер подхватывал и кружил их по воздуху. Стало очень холодно. Тяжёлые тучи сыпали на землю то град, то снег, а на изгороди сидел ворон и каркал от холода во всё горло. Брр! Замёрзнешь при одной мысли о таком холоде! Плохо приходилось бедному утёнку.

Раз под вечер, когда солнышко ещё сияло на небе, из-за леса поднялась целая стая чудных, больших птиц. Таких красивых птиц утёнок никогда ещё не видал — все они были белые, как снег, с длинными, гибкими шеями. Это были лебеди. Испуская какие-то странные крики, они взмахнули великолепными, большими крыльями и полетели с холодных лугов в тёплые края, за синее море. Они поднялись высоко-высоко, а бедного утёнка охватила непонятная тревога. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Ах, он не мог оторвать глаз от этих прекрасных, счастливых птиц, а когда они совсем скрылись из виду, он нырнул на самое дно, выплыл опять и долго не мог опомниться.

Утёнок не знал, как зовут этих птиц, не знал, куда они летят, но полюбил их, как не любил до сих пор никого на свете. Красоте их он не завидовал; ему и в голову не приходило, что он может быть таким же красивым, как они.

Он был рад-радехонек, если б хоть утки не отталкивали его от себя. Бедный гадкий утёнок!

Зима настала холодная-прехолодная. Утёнок должен был плавать по воде без отдыха, чтобы не дать ей замёрзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась всё меньше и меньше. Морозило так, что даже лёд потрескивал. Утёнок без усталости работал лапками. Под конец он совсем выбился из сил, растянулся и примёрз ко льду.

Рано утром мимо проходил крестьянин. Он увидел примёрзшего ко льду утёнка, разбил лёд своим деревянным башмаком и отнёс полумёртвую птицу домой, к жене. Утёнка отогрели.

Дети вздумали поиграть с ним, но ему показалось, что они хотят обидеть его.

Он шархнулся от страха и попал прямо в подойник с молоком. Молоко расплескалось. Хозяйка вскрикнула и замахала руками, а утёнок заметался по комнате, влетел в кадку с маслом, а оттуда — в бочонок с мукой. Батюшки, на что он стал похож!

Женщина гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали. Хорошо, что дверь была открыта, — утёнок выскочил, кинулся в кусты, прямо на свежесвыпавший снег, и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы слишком печально рассказывать про все беды и несчастья утёнка в эту суровую зиму.

Когда же солнышко опять пригрело землю своими тёплыми лучами, он лежал в болоте, в камышах. Запели жаворонки. Вернулась весна!

Утёнок взмахнул крыльями и полетел. Крылья его теперь были куда крепче прежнего, они зашумели и быстро понесли его вперёд. Не успел он опомниться, как очутился в большом саду. Яблони стояли все в цвету; душистая сирень склоняла свои длинные зелёные ветви над извилистым каналом. Ах, как тут было хорошо, как пахло весной!

И вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утёнок узнал этих прекрасных птиц, и его охватила какая-то непонятная грусть.

— Полечу к ним, к этим величавым птицам. Они, наверно, заклюют меня насмерть за то, что я, та-

кой гадкий, осмелился приблизиться к ним. Но пусть! Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить щипки уток и кур, пинки птичницы да терпеть холод и голод зимою!

И он опустился на воду и поплыл навстречу прекрасным лебедям, которые, завидя его, замахали крыльями и тоже поплыли к нему.

— Убейте меня!— сказал бедный утёнок и низко опустил голову.

И вдруг в чистой, как зеркало, воде он увидел своё собственное отражение. Но теперь он был уже не гадким темносерым утёнком, а белым лебедем!

Теперь утёнок был даже рад, что перенёс столько горя и бед. Он много вытерпел и поэтому мог лучше оценить своё счастье и всё то великолепие, которое окружало его. А большие лебеди плавали вокруг и гладили его своими клювами.

В это время в сад прибежали маленькие дети. Они стали бросать лебедям хлебные крошки и зёрна, а самый младший из них закричал:

— Новый прилетел! Новый прилетел!

И все остальные подхватили:

— Новый, новый!

Дети хлопали в ладоши и плясали от радости. Потом они побежали за отцом и матерью и опять стали бросать в воду крошки хлеба и пирожного. И дети и взрослые говорили:

— Новый лебедь лучше всех! Он такой красивый и молодой!

И старые лебеди склонили перед ним головы.

А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он вспомнил то время, когда все смеялись над ним и гнали его. А теперь все говорят, что он самый прекрасный среди прекрасных лебедей!

Сирень наклоняла к нему в воду свои душистые ветви, а солнышко светило так тепло, так ярко... И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был ещё гадким утёнком!

СОЛОВЕЙ

Ты, верно, знаешь, что в Китае все жители китайцы и сам император китаец.

Давным-давно это было, но потому-то и стоит рассказать эту историю, пока она ещё не забылась совсем.

В целом мире не нашлось бы дворца лучше, чем дворец китайского императора. Он весь был из драгоценного фарфора, такого тонкого и хрупкого, что страшно было до него и дотронуться. Дворец стоял в прекрасном саду, в котором росли чудесные цветы. К самым красивым цветам были привязаны серебряные колокольчики. И когда дул ветерок, цветы покачивались и колокольчики звенели. Это было сделано для

того, чтобы никто не прошёл мимо цветов, не поглядев на них. Вот как умно было придумано!

Сад тянулся далеко-далеко, так далеко, что даже сам садовник не знал, где сад кончается. А сразу за садом начинался дремучий лес. Этот лес доходил до самого синего моря. Большие корабли проплывали под нависшими над водой ветвями. Тут в лесу, у самого берега моря, жил соловей. Он пел так чудесно, что даже бедный рыбак, слушая его песни, забывал о своём неводе.

Со всех концов света приезжали в столицу императора путешественники. Все они любовались великолепным дворцом и прекрасным садом, но, услышав пение соловья, говорили: „Вот это лучше всего!“

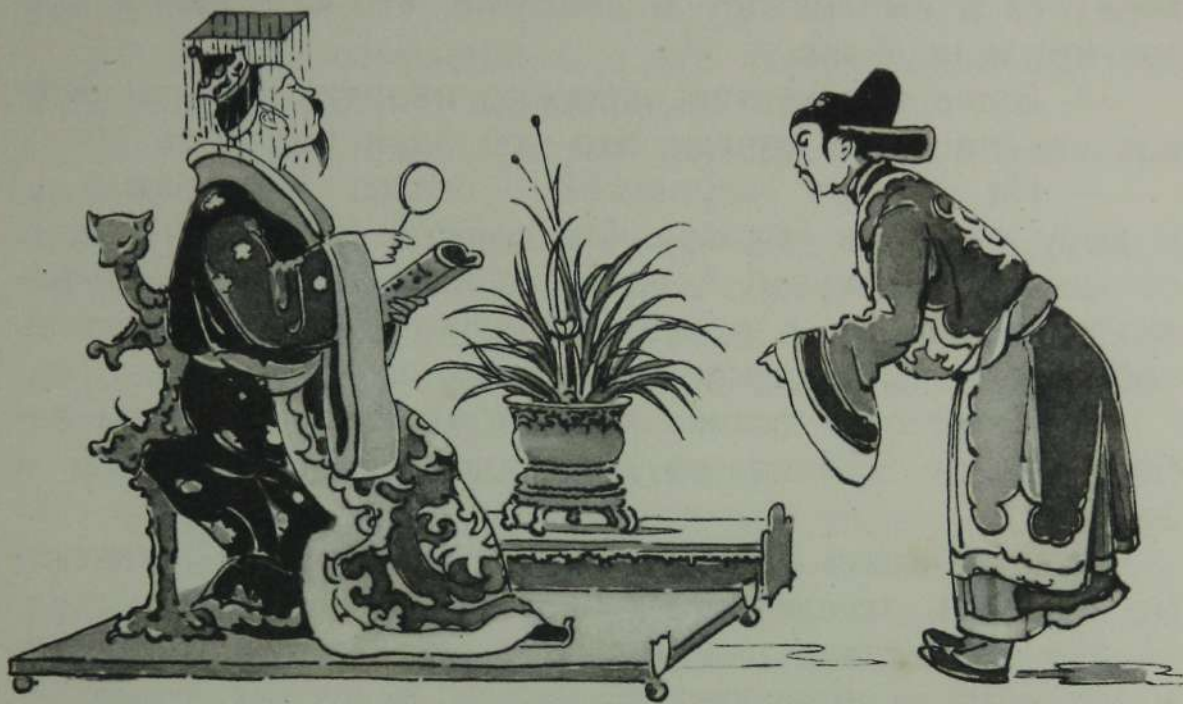
Вернувшись домой, путешественники рассказывали обо всём, что видели. Учёные описывали столицу Китая, дворец и сад императора и никогда не забывали упомянуть о соловье; поэты слагали в честь крылатого певца, живущего в китайском лесу на берегу синего моря, чудеснейшие стихи.

Книги расходились по всему свету, и вот одна толстая книга дошла и до самого китайского императора. Он сидел на своём золотом троне, читал и кивал головой. Ему очень приятно было читать о том, как хороша его столица, как прекрасны его дворец и сад. Но вот на последней странице книги император прочитал: „В Китае много чудесного, но лучше всего маленькая птичка по имени соловей, которая живёт в лесу близ императорского сада. Ради того, чтобы послушать её пение, советуем каждому съездить в Китай“.

— Что такое? — сказал император. Он встал с трона и захлопнул книгу. — Как?! В моём государстве и даже рядом с моим собственным дворцом живёт такая удивительная птица, а я ни разу не слышал, как она поёт!

И мне приходится узнавать о ней из удивительных книг!

И он велел позвать своего первого министра. Этот министр напускал на себя такую важность, что если кто-нибудь из людей пониже его чином осмеливался заговорить с ним или спросить его о чём-нибудь, он отвечал только: „Пф!“, а это ведь ровно ничего не означает.

— Я прочёл в учёной книге, что у нас есть замечательная птица, которую зовут соловей, — сказал император министру. — Её считают первой достопримечательностью моего государства. Почему же мне ни разу не докладывали об этой птице?

— Ваше величество! — отвечал первый министр и поклонился императору. — Я даже и не слышал о ней. Она никогда не была представлена ко двору.

— Весь свет знает, что у меня есть, а сам я не знаю,— сказал император.— Я хочу, чтобы сегодня же вечером птица была здесь и пела передо мной!

— Я разыщу её, ваше величество,— сказал первый министр.

Сказать было нетрудно. А где ж её разыщешь?

И вот первый министр забегал вверх и вниз по лестницам, по залам и коридорам, но, никто из придворных и не слыхивал о соловье. И первый министр вернулся к императору и доложил, что соловья в Китае нет и не было.

— Ваше величество напрасно изволит верить всему, что пишут в книгах; это всё одни выдумки.

— Не говори глупостей! — сказал император. — Я хочу слышать соловья. Он должен быть во дворце сегодня же вечером! А если его не будет здесь в назначенное время, я прикажу после ужина отколотить тебя и всех министров палками по пяткам.

— Тзинг-пе! — сказал первый министр и опять забегал вверх и вниз по лестницам, по коридорам и залам.

С ним бегали все министры и придворные — никому не хотелось отведать палок.

На площадках лестниц они сталкивались носами и спрашивали друг друга:

— Что такое со-ло-вей? Где найти соловья?

Так они обегали весь дворец и наконец попали на кухню. В кухне сидела маленькая девочка и вытирала тарелки. Первый министр спросил девочку, не знает ли она, где живёт соловей.

— Соловей? — сказала девочка.— Ну конечно, знаю! Он так хорошо поёт в нашем лесу! Я каждый день ношу моей больной матери остатки от обеда с императорской кухни. А живём мы у самого моря. Там в

лесной чаще есть старое дерево с большим дуплом и густыми-густыми ветвями. И вот, когда я прохожу мимо этого дерева, я каждый раз слышу песню соловья. Он поёт так нежно, что слёзы появляются у меня на глазах, а на душе становится так радостно, будто меня целует мама.

— Девочка, — сказал первый министр, — я позволю тебе посмотреть, как кушает сам император, если ты сведёшь нас к соловью. Он приглашён сегодня вечером ко двору.

И вот все отправились в лес. Впереди шла девочка, а за ней министр и придворные.

Шли они, шли и вдруг услышали; как замычала корова.

— О! — сказали придворные. — Это, наверно, и есть соловей. Какой сильный у него голос!

— Это мычит корова, — сказала девочка. — Ещё далеко до того дерева, на котором живёт соловей.

И все пошли дальше.

Тут в пруду заквакали лягушки.

— Чудесно! — сказал придворный бонза. — Наконец-то я слышу соловья! Он поёт точь-в-точь как серебряные колокольчики в нашей молельне.

— Нет, это лягушки, — сказала девочка. — Но теперь, я думаю, мы скоро услышим и самого соловья.

И вот наконец в зелёных ветвях раздалось чудесное пение.

— Вот это соловей, — сказала девочка. — Слушайте, слушайте! А вот и он сам. — И она указала пальцем на маленькую серенькую птичку, которая сидела на ветке.

— Пф! — сказал первый министр. — Никак не думал, что этот знаменитый соловей такой невзрачный с виду. Наверно, он потерял свои краски от страха, увидев так много знатных особ.

— Соловушка! — громко закричала девочка. — Наш император хочет послушать твои песни.

— Очень рад! — ответил соловей и запел так, что просто чудо.

— Пф, пф! — сказал первый министр. — Ваш голос звенит так же звонко, как стеклянные колокольчики на парадном балдахине императора. Вы будете иметь огромный успех при дворе.

— Спеть ли мне ещё для императора? — спросил соловей. Он подумал, что тут был сам император.

— Послушайте, господин соловей, — сказал первый министр, — его величество император приглашает вас сегодня вечером на придворный праздник. Не сомневаюсь, что вы очаруете его величество своим дивным пением.

— Песни мои гораздо лучше слушать в зелёном лесу, — сказал соловей. — Но я охотно полечу с вами, если это будет приятно императору.

А во дворце между тем все бегали, хлопали дверями и суетились — все готовились к празднику. В фарфоровых стенах и в стеклянном полу отражались сотни тысяч золотых фонариков; в коридорах рядами были расставлены прекрасные цветы, а привязанные к цветам колокольчики от всей этой беготни, стукотни и сквозняка звенели так, что не слышно было человеческого голоса.

И вот наступил вечер. Посреди огромного зала восседал император. Напротив императорского трона поставили золотой шест, и на самой верхушке его сидел соловей. Все придворные были в полном сборе. И бедной девочке из кухни позволили стоять в дверях — в награду за то, что она нашла соловья, первый министр назначил её придворной поварихой. Все были разодеты в пух и прах и не сводили глаз с маленькой

серенькой птички. Но вот император милостиво кивнул головой.

И соловей запел. Он пел так нежно, так чудесно, что у императора выступили на глазах слёзы и покапались по щекам. Тогда соловей залился ещё громче, ещё нежнее.

Когда он кончил, император сказал, что жалует соловью свою золотую туфлю на шею. Но соловей поблагодарил и отказался.

— Я видел слёзы в глазах императора, — сказал соловей. — Какой мне ещё желать награды!

И опять зазвучал его чудесный голос.

— Ах, это очаровательно! — восклицали наперебой придворные дамы.

И с тех пор, когда им нужно было разговаривать с кем-нибудь, они набирали в рот воды, чтобы она булькала у них в горле. Они воображали, что это бульканье похоже на соловьиные трели.

Соловья оставили при дворе и отвели ему особую комнату. Два раза в день и раз ночью ему разрешали гулять. Но к нему приставили двенадцать лакеев, и каждый из них держал привязанную к ножке соловья шёлковую ленточку. Нечего сказать, большое удовольствие было от такой прогулки!

Весь город заговорил об удивительной птице, и если встречались на улице трое знакомых, один из них сейчас же говорил: „со“, другой подхватывал: „ло“, а третий: „вей“, после чего все трое вздыхали, сразу поняв друг друга.

Одиннадцать лавочников дали своим сыновьям имена в честь соловья, но ни один из мальчиков не мог спеть даже самой простой песенки.

Но вот однажды императору прислали из Японии ящичек, завёрнутый в шёлковую материю. На ящичке было написано: „Соловей“.

— Это, наверно, новая книга о нашей знаменитой птице, — сказал император.

Ящик открыли, но в нём была не книга, а разукрашенная коробочка. А в коробочке лежал искусственный соловей. Он был очень похож на настоящего, но весь осыпан брильянтами, рубинами и сапфирами. Стоило завести птицу — и она начинала петь одну из тех песен, которые пел настоящий соловей, и вертеть хвостиком, который отливал золотом и серебром. На шейке

у птицы была ленточка с надписью: „Соловей императора японского ничто в сравнении с соловьём императора китайского“.

— Какая прелесть! — сказали все, а того, кто привёз драгоценную птицу, сейчас же возвели в чин „придворного поставщика соловьёв“.

— Теперь пусть этот соловей и наш настоящий споют вместе, — решил император.

Но дело не пошло на лад: настоящий соловей пел всё новые и новые песни, а искусственный повторял одну и ту же, как заведённая шарманка.

Тогда искусственного соловья заставили петь одного. Его пение так же понравилось придворным, как и пение настоящего соловья, но новая птица была куда красивее — она вся так и блестела, так и сверкала.

Тридцать три раза пропела она одно и то же и не устала.

Придворные охотно слушали бы её ещё, да император сказал, что надо послушать и живого соловья. Тут все обернулись и посмотрели на золотой шест. Но соловья там не было. Куда же он девался?..

Никто не заметил, как соловей выпорхнул в открытое окно и улетел в свой зелёный лес.

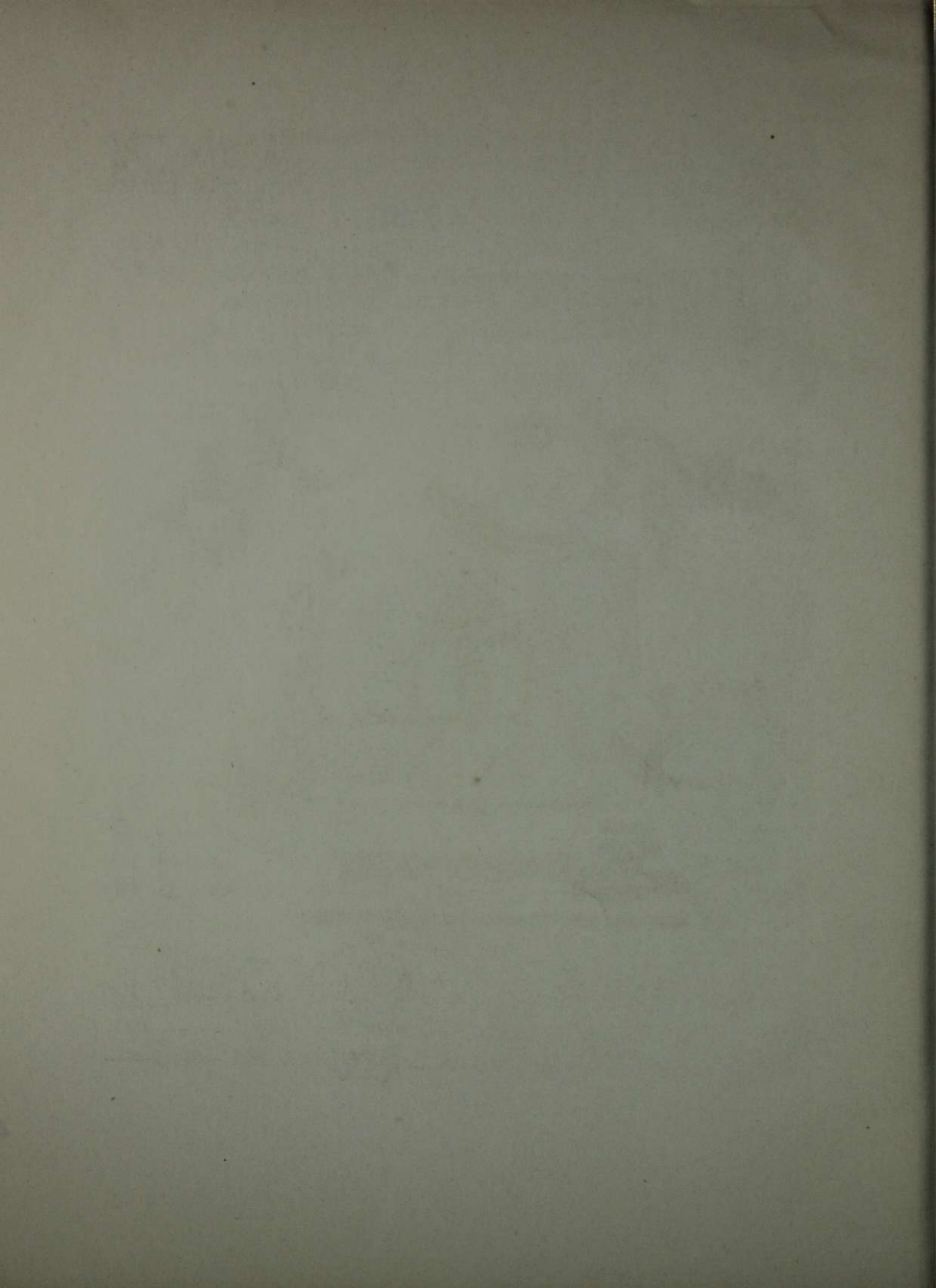
— Что же это, однако, такое? — сказал император, и все придворные стали бранить соловья и называть его неблагодарной тварью.

— Но всё-таки лучшая птица осталась у нас! — сказали придворные, и искусственному соловью пришлось спеть свою единственную песню в тридцать четвёртый раз.

„Придворный поставщик соловьёв“ расхваливал свою птицу и уверял, что она гораздо лучше настоящей.

— Извольте ли видеть, высокий повелитель мой, и вы, милостивые господа, — говорил он, — никогда ведь

нельзя знать заранее, что именно споёт живой соловей, а у искусственного всё известно наперёд. Можно даже разобрать его и посмотреть, как он устроен: как расположены и действуют все валики, винтики и пружинки.

— О да, мы тоже так думаем, — сказали придворные, а император велел показать птицу народу в следующее же воскресенье.

— Пусть и народ послушает её, — сказал император.

Народ послушал и пришёл в такой восторг, как будто напился хорошего чаю, — китайцы ведь очень любят чай.

Все в один голос восклицали: „О!“, поднимали вверх указательные пальцы и кивали головами. Но бедные рыбаки, которые слышали настоящего соловья, говорили:

— Голос у него неплохой и поёт он почти так же, как наш соловушка, но всё-таки не то. Чего-то недостаёт, а чего — мы и сами не знаем.

А тем временем император издал указ. В этом указе

настоящего соловья объявили изгнанным из китайского государства.

А искусственный соловей лежал на шёлковой подушке возле самой императорской постели. Вокруг него были разложены все пожалованные ему драгоценности, а на шее висела императорская золотая туфля. Искусственной птице дали особое звание: „Первый певец императорского ночного столика с левой стороны“, потому что император считал более важной именно ту сторону, на которой находится сердце, а сердце находится слева даже у китайского императора.

Учёные написали об искусственном соловье двадцать пять книг, полных самых мудрёных и непонятных китайских слов. Но все придворные уверяли, что они прочли эти книги и поняли всё, что там написано, — иначе ведь их прозвали бы дураками и отколотили бы палками по пяткам.

Так прошёл целый год. Император, весь двор и даже весь народ знали наизусть каждую нотку в песне искусственного соловья. Поэтому-то пение его им нравилось ещё больше. Они сами могли теперь подпевать птице. Уличные мальчишки пели: „Ци-ци-ци! Клюк-клюк-клюк!“ И даже сам император напевал иногда: „Ци-ци-ци! Клюк-клюк-клюк!“

И вот один раз вечером искусственная птица распевала перед императором, а он лежал в постели и слушал её. Вдруг внутри птицы что-то зашипело, зажужжало, колёса завертелись, и музыка смолкла.

Император вскочил и послал за своим придворным врачом. Но что же тот мог поделать? Ведь он умел лечить только живых людей. Тогда призвали часовщика. Часовщик открыл птице живот и долго рассматривал какие-то колёсики и подвинчивал какие-то винтики. Потом он сказал, что птица будет петь, но с ней

надо обращаться очень осторожно: маленькие зубчики истёрлись, а поставить новые нельзя.

И император издал новый указ, в котором говорилось, что „Первого певца императорского ночного столика с левой стороны“ разрешается заводить только раз в году, да и то ненадолго.

Прошло ещё пять лет. И вот однажды император заболел. Все доктора говорили, что он непременно умрёт. Министры и придворные собирались уже провозгласить нового императора, а народ толпился на улице и спрашивал первого министра о здоровье старого императора.

— Пф! — отвечал первый министр и покачивал головой.

Бледный и похолодевший лежал император на своём великолепном ложе. Все придворные считали его умершим, и каждый спешил поклониться новому императору. Слуги бегали взад и вперёд по дворцу и узнавали последние новости, а служанки проводили время в болтовне за чашкой чая. Во всех залах и коридорах были разостланы ковры, чтобы не слышно было шума шагов, и во дворце стояла мёртвая тишина.

Но старый император ещё не умер, хотя и лежал совсем неподвижно на своём великолепном ложе, под бархатным балдахином с золотыми кистями. Окно было раскрыто, и ясный месяц глядел на императора и искусственного соловья, который лежал на шёлковой подушке возле постели императора.

Бедный император не мог вздохнуть, и ему казалось, что кто-то сидит у него на груди... Он приоткрыл глаза и увидел, что на груди у него сидит смерть. На голове у неё была надета корона императора, в одной руке она держала его золотую саблю, а в другой — императорское знамя. А кругом, из всех складок

бархатного балдахина, выглядывали какие-то странные головы: одни безобразные и злые, другие красивые и добрые. Но злых было гораздо больше. Это были злые и добрые дела императора. Они смотрели на императора и что-то шептали.

— Помнишь ли ты это?—шептала одна злая голова.

— А это помнишь?—шептала другая.

И головы рассказывали императору так много о его злых делах, что на лбу у него выступил холодный пот.

— Я забыл об этом, — говорил император. — А этого никогда и не знал.

И он закричал:

— Музыку сюда, музыку! Бейте в большой китайский барабан! Я не хочу слушать их речи!

Но головы всё продолжали говорить, а смерть, как китаец, кивала при каждом их слове.

— Музыку сюда, музыку! — кричал император. — Пой хоть ты, моя славная птичка! Я одарил тебя золотом и драгоценностями, я повесил тебе на шею свою золотую туфлю, пой же, пой!

Но птица молчала: некому было завести её, а иначе она петь не умела. А смерть всё смотрела на императора своими большими, пустыми глазными впадинами.

И вдруг за окном раздалось чудное пение. То был живой соловей. Он узнал, что император болен, и прилетел, чтобы утешить и ободрить его. Он пел, и призраки всё бледнели, а кровь прилиwała всё живей к сердцу императора. Сама смерть заслушалась соловья и тихо повторяла:

— Пой, пой ещё, соловушка!

— А ты отдашь за это императору драгоценную саблю? И знамя? И корону? — спрашивал соловей.

И смерть отдавала императору его сокровища одно за другим, а соловей продолжал петь. Вот он запел о тихом кладбище, на котором цветёт бузина, благоухают белые розы и свежая трава на могилах орошается слезами живых людей, оплакивающих своих умерших близких... Тут смерти так захотелось вернуться на кладбище, что она закуталась в белый холодный туман и вылетела в окно.

— Спасибо тебе, милая птичка! — сказал император. — Я изгнал тебя когда-то из моего государства, а теперь ты своей песней отогнала от моей постели ужасные призраки, прогнала даже смерть! Чем мне вознаградить тебя?

— Ты уже наградил меня раз навсегда, — сказал соловей. — Я видел слёзы в твоих глазах, когда первый раз пел перед тобой, — этого я не забуду никогда. Слёзы — самая драгоценная награда певцу.

И он запел опять, а император заснул здоровым, крепким сном.

Когда он проснулся, в окно уже светило солнце. Никто из его министров и придворных не приходил к своему императору. Все думали, что он умер. Один соловей сидел у окна и пел.

— Останься у меня навсегда, — сказал император. — Ты будешь петь, только когда сам захочешь, а искусственную птицу я разобью вдребезги.

— Не надо! — сказал соловей. — Она служила тебе, как могла. Оставь её у себя. Я не могу жить во дворце. Я буду прилетать к тебе, когда сам захочу, и буду петь тебе о счастливых и несчастных, о добре и зле, обо всём, что делается вокруг тебя и чего ты не знаешь. Маленький соловей летает повсюду, залетает и под крышу бедного рыбака и поселянина, которые живут вдали от дворца. Я буду прилетать и петь тебе. Но обещай мне...

— Всё, что хочешь! — воскликнул император и встал с постели.

Он успел уже надеть своё царское одеяние и прижимал к сердцу тяжёлую золотую саблю.

— Обещай мне не говорить никому, что у тебя есть маленькая птичка, которая рассказывает тебе обо всём. Так дело пойдёт лучше.

И соловей улетел.

Тут вошли придворные поглядеть на мёртвого императора, да так и застыли на пороге. Перед ними стоял император, живой и здоровый. И он сказал им:

— Здравствуйте!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стойкий оловянный солдатик	3
	Дюймовочка	13
	Гадкий утёнок	31
	Соловей	47

БИБЛИОТЕЧКА ДЕТСКОГО САДА

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор *Л. Грибова*. Художественный редактор *Б. Дехтерев*. Технический редактор *Н. Самохвалова*. Корректоры *Е. Балабан* и *Т. Лейзерович*.
Сдано в набор 17/IX 1953 г. Подписано к печати 21/XII 1953 г. Формат 60 × 92 3/4 — 4,5 бум. = 9 печ. л. (7,03 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. А09217. Цена 5 р. 55 к. Заказ № 868.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцеский вал, 49.

